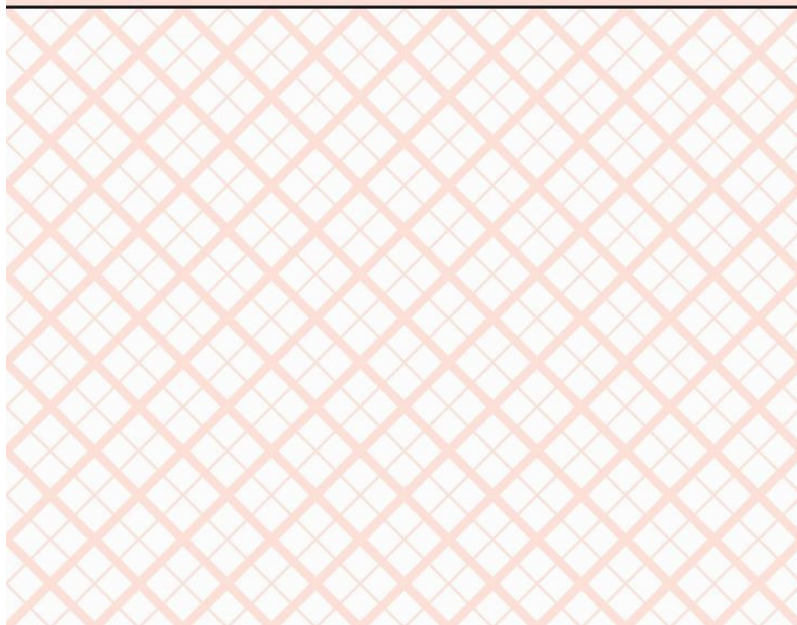

18+ Дарья Ситкова

Десерт детства

Дарья Ситкова

Десерт детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58119161

ISBN 9785005142542

Аннотация

«Десерт детства» приглашает детей 90-х вернуться в эпоху нашего детства – в мир наших игр, наших кумиров, угощений, которые нынче никого не удивляют, в мир бытовой обстановки, где телевизор «Рубин» и «Дисней» в выходные. Не обошлось и без конфликта поколений, а также сложных взаимоотношений между подростками. Книга обязательно вас растрогает – равнодушным не уйдет никто.

Содержание

Десерт детства	5
Молочная кухня, младенцы и быт	7
Здесь и сейчас	11
Электропоезд отправляется в прошлое	13
Телевизор «Рубин»	18
«Дисней» в выходные	23
Квартира	30
Божьи коровки и детские страхи	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Десерт детства

Дарья Ситкова

© Дарья Ситкова, 2020

ISBN 978-5-0051-4254-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Десерт детства

Оглавление

Предисловие

Сахар. Крупный сахар и мокрый хлеб... Божественно! Не ели такое? Тогда попробуйте прямо сейчас. Возьмите хлеб, желательнo свежий. Отрежьте хрустящий ломоть (вкуснее всего, конечно же, свежая поджаристая корочка). Смочите хлебный мякиш водой, затем посыпьте обычным сахарным песком. А теперь кусайте! Вкусно?.. Вы засмеетесь: разве это может быть вкусно? К тому же на прилавках такое изобилие выпечки, а в кафе вам подадут изысканно украшенный и тающий во рту десерт. Да вы и сами можете испечь что-нибудь этакое и порадовать себя и домочадцев – разумеется, если вы не на диете или не придерживаетесь правильного питания: нынче это в тренде.

Не удивишь никого хлебом с сахаром. А раньше, буквально два десятка лет назад, можно было еще как удивить. Я буду часто упоминать подобные гастрономические изыски. Очень хочу, чтобы, перелистнув последнюю страницу книги, вы обязательно отправились на кухню и приготовили десерт. Десерт моего детства!

Моя цель – напомнить вам о простых вещах, которые вы позабыли.

А может, вы даже не подозреваете о том, что когда-то они существовали?

Я расскажу вам о любопытных деталях своего детства – возможно, и вашего детства тоже. Берусь предположить, что вы не раз улыбнетесь, ну а где-то взгрустнется – как же без грусти?

Я предлагаю вам посмотреть на мир глазами ребенка, оставив взрослые проблемы. Да, мы помним, что нельзя втиснуться в детское платье: как ни пытайся, оно разойдется по швам. Но можно взять его в руки, встряхнуть, положить на колени – и любовно разгладить каждую складочку.

Молочная кухня, младенцы и быт

В год, когда распался СССР, я была розовощёким пухлым карапузом. Тогда на прилавках не было разнообразия молочных смесей и растворимых каш, а единственная имевшаяся в продаже смесь «Малютка» мне не подошла – после нее у меня сильно обсыпало щеки. Поэтому основными поставщиками моего питания были организация под названием «молочная кухня» и бабушки из соседних поселков, которые продавали коровье молоко в трехлитровых банках. Это молоко было для меня и питьем, и едой. На молоке варились каши – в основном, конечно же, манная, которая нынче признана бесполезной и даже вредной. Современные мамы и слышать не хотят об этом страшном-престрашном блюде. Может, потому что врачи его уже не рекомендуют, а может, потому что сами переели его в детстве. Помните те самые комочки каши? Их нельзя было проглотить, не поморщившись... Но факт остается фактом: я и миллионы таких, как я, выросли на жиденькой манке и трехлитровых банках коровьего молока. Грудное молоко считалось «жидким», «синим», «пустым», и вообще «ребенок им не наедается». Горячие споры о питании грудного младенца ведутся до сих пор – оставим же спорящих наслаждаться дебатами дальше.

К молочным продуктам я всегда относилась с любовью, будь то молочные супчики с мелкой разваренной лапшой

и рожками или гречневая и рисовая каши. Но больше всего я обожала овсяную кашу. Нет, не привычный геркулес: именно кашу из крупы, которую нужно сначала промыть, а потом долго-долго варить-наваривать. Со сливочным маслом... Ну вы ведь пробовали такую хоть раз? С кусочком черного хлеба бушка с сыром или маслицем. Красота!

На таком питании я очень растолстела, а пухлый младенец – здоровый младенец. По крайней мере, так считало большинство бабушек. Ну, и моя бабушка, разумеется, не была исключением: «Ты даже не могла ходить, я на руках тебя до пяти лет носила!» – с гордостью рассказывала она. Вот зачем, спрашивается, было надрываться и таскать дитяток, которое и само могло топтать? Ох уж эти бабушки...

А как наши бабушки и мамы обходились без стиральных машин, без мультиварок и микроволновок? Этим вопросом задаются многие современные женщины. «Родилась я зимой, как вы со мной гуляли?» – спрашиваю. – „Либеро“ и в помине не было... Вот как?» Бабушка разводит руками: «Находили выход. Подгузники делали из пеленок. Гладили, стирали вручную».

У каждого младенца во рту латексная соска «ромашка», на голове – смешной чепец. Тугое пеленание, купание в слабенькой марганцовочке, однотипные коляски без перекидных ручек и больших капоров. Бабушка любит вспоминать, как нашу коляску украли: «Пятый этаж – занесли ребенка домой с прогулки, вернулись – коляски нет. Обидно! Да что

поделаешь...»

Вечером меня усаживали на диван и обкладывали подушками со всех сторон – начиналась очередная серия «Богатые тоже плачут». Сути сериала, конечно, я не понимала, но чинно сидела в подушках, усердно глаза на мельтешащие картинки удивленными глазенками, и мусолила в руках печенюшку или яблочко.

Рассматриваю свои детские фотографии, сделанные в местном фотосалоне. На них я запечатлена на фоне фотообоев с синим морем, с обязательной пластмассовой игрушечкой в руках. Такие фотографии всегда подписывались в уголке: «Дашеньке 2 года 11 месяцев» и любовно вставлялись в детский фотоальбом. Одна из моих любимых – та, на которой мама (очень молодая, в ситцевом халатике) держит меня, толстую ляльку, на руках.

Мне кажется, в таких фотографиях больше тепла и души, чем в сотне снимков, сделанных на новомодный айфон последней модели. Вы в манной каше, пухлый пальчик во рту, и вы улыбаетесь своей беззубой, но такой прелестной улыбкой. Факт остается фактом – мы были детьми. Нас наряжали в костюмы принцесс, рыцарей, а теперь на нас смотрят «маленькие взрослые» в стильных костюмчиках... Я не знаю, плохо это или хорошо. Наверное, это просто по-другому.

«Мыльница» и пленка на 36 кадров. Это означало, что можно щелкать до бесконечности! А потом удивляться, что большинство кадров засвечено или у всех людей на фото-

снимке закрыты глаза...

Тогда мы с родителями жили у бабушки, папиной матери. Даже сейчас такое не редкость, ну а тогда это было повсеместно: у молодых родителей не было своего гнездышка, поэтому ютились в тесноте, да не в обиде, пока не появлялась своя жилплощадь. Тогда новая ячейка общества съезжала, и у нее начиналась совершенно новая жизнь.

Здесь и сейчас

Два года назад не стало мамы. Я впервые столкнулась со смертью, ощутила ее дыхание близко-близко. Мама умерла в маленькой больнице нашего провинциального городка. Я знала, что это когда-нибудь произойдет, но ведь «когда-нибудь» наступит нескоро, это же не «завтра» и не «через неделю».

Нам кажется, что наши близкие вечны, но однажды выясняется, что это не так. Тебе сочувствуют, суют платочек в ладошки, а слезы капают, превращаясь в водопад, который сносит всё на своем пути. И ты закрываешь руками лицо, поправляешь платочек на голове – только бы не видеть сочувствующие лица, венки, цветы – весь этот балаган... Я считаю, что вся эта бутафория необходима именно живым. Зачем вы несете усопшим огромные букеты? Дарите цветы живым, будьте рядом с ними. Пока вам дана возможность обнимать – обнимайте, говорите ласковые слова: всё это не вечно.

...Был прекрасный июльский день. Солнце уже заливало светом детскую площадку, на которой я гуляла с сыном. «Опять бабушка названивает, да еще и с самого утра», – раздраженно подумала я, увидев входящий звонок. Бабушка всегда звонит не вовремя, и не пытайтесь уверять, что вы всегда отвечаете своим родным сразу же, без всяких там «потом перезвоню». Ни за что не поверю! Но именно тогда

что-то заставило меня ответить сразу же.

«Твоя мать умерла», – бабушка очень редко называет мою маму мамой. Она всегда была «матерью». Я и сама редко называла ее мамой...

Я слышала бабушкины слова, но солнце всё так же ярко светило, сынишка дергал меня за руку, где-то рядом смеялись дети – а я не знала, что мне делать и что я чувствую. Моей мамы больше нет. Она умерла – сегодня.

Я не понимала, что я ощущаю и что должна ощущать.

Надо было отпрашиваться с работы и бежать на электричку.

Электropоезд отправляется в прошлое

Вокзал меня встретил кофе. Я всегда покупаю кофе в дорогу: он меня бодрит, бумажный стаканчик отдает свое тепло, и это ощущение теплоты – словно от человеческой ладони – успокаивает. Бариста редко скучают в аэропортах и на вокзалах – там за кофе всегда выстраиваются очереди. Обычно я беру раф или капучино с молочной пенкой. На этот раз купила капучино.

Одега я по-походному: мужская клетчатая рубашка с капюшоном на черных маленьких пуговицах, под ней – темная облегающая футболка. Джинсы, кеды, рюкзак. Французская коса – с недавнего времени я начала отращивать свой натуральный, родной цвет. Почему раньше он казался мне ужасным? Природа редко ошибается. Создавая образ, она продумывает цветотип до мелочей. Я, кареглазая темно-руссая шатенка по ее задумке, восемь лет ежемесячно наносила на себя пену-мусс из масс-маркета, делая это крайне неумело: обязательно задевала уши, окрашивая их в иссиня-черный цвет. Конечно, я побывала и рыжей, и блондинкой – но почему-то именно черный въелся в мои волосы на восемь долгих лет.

Именно мама была инициатором моей первой покраски

волос – ничего страшного она в этом не видела. Часто я еще школьницей приезжала к ней, чтобы она помогла мне в этом нелегком деле. Сама мама постоянно закрашивала седину оттенками «темный баклажан», «баклажан» с красным оттенком. Однажды она выбрала «горький шоколад» – получился практически черный цвет.

...С собой я не взяла никаких вещей – ведь еду на один день.

Как я люблю вокзалы и аэропорты! Там ты можешь начать новую жизнь – хоть сейчас. Достаточно приобрести билет – и рвануть куда-нибудь. В чем есть, хоть в кедах и футболке. В рюкзаке главное сокровище – зарядное устройство от телефона. Без телефона человек как бы выключен из жизни. И как только мы раньше обходились без них?

А сегодня я еду к маме, ведь ее больше нет. Звучит как-то неправдоподобно: все есть, а ее нет! И она больше никогда не пошутит, не чмокнет меня в щеку, оставив на ней след алой помады, не скажет мне: «Пока, зайчик!»

Она всегда говорила что-то подобное, когда уходила. Мне нравилось наблюдать, как она достает косметичку и начинает «наводить марафет». Накладывает тональную основу, красит ресницы – и наконец губы. Ярко-красной помадой. Всегда. Я редко видела свою маму без яркой помады. Без нее она была такой нежной в своем ситцевом цветастом халатике! А с помадой превращалась в леди-вампа и становилась вдруг чужой и холодной. Помада была финальным и обязательным

штрихом. Ее нанесение означало, что мама сейчас уйдет, и я чувствовала одновременно тоску и облегчение.

Когда сидишь в зале ожидания, чувствуешь себя песчинкой среди всех этих незнакомых людей, среди поездов, электричек. Ты боишься пропустить свой поезд, всё время вслушиваешься в объявления и посматриваешь на электронное табло... Я поспешила на электричку.

Пригородный поезд мчал меня. До моего города всего два часа езды, но он мчал меня дальше, в прошлое. Я села у окна. Когда идешь по вагонам, всегда видишь одиноко сидящих у окон людей и надеешься, что в следующем вагоне найдется свободное место именно у окна. Ты усядешься и будешь наблюдать, как за окном меняются пейзажи, а может, наденешь наушники и включишь плей-лист, а может, уткнешься в телефон или в книгу. Люди выходят на станциях, а ты едешь дальше. Один выходит – его место занимает другой. Контролер проверяет билет и желает счастливого пути. Мы все чужие, но нас объединяет одно – этот поезд.

Я закрыла глаза, запрокинула голову... Стук колес не давал уснуть. (Наверное, так начинаются многие фильмы и книги.)

Моя родина – маленький провинциальный городок на Дальнем Востоке. Здесь я родилась, здесь прошло то самое детство, о котором я вам рассказываю, здесь закончила школу, здесь впервые влюбилась. Каждый камень знает меня ребенком, каждая трещинка на асфальте мне знакома. Это

не просто город. Это мои воспоминания, от которых и сладко, и горько.

Здесь все размеренно: лениво передвигаются автобусы, неторопливо идут пешеходы. Здесь один кинотеатр с классическим названием «Родина». На улицах нет пробок. Объехать город можно за 20 минут, а обойти – за час. Пешеходные переходы маленькие, светофоры тоже маленькие, будто игрушечные. Совсем недавно обновили детскую областную больницу, построили ЗАГС, роддом и женскую консультацию, гипермаркеты и жилые комплексы – но ритм города остался прежним. Есть такие города, над которыми время не властно.

Каждый, кто сюда приезжает, говорит, что город душевный. Самый настоящий «городок», *где без спроса ходят в гости*. Таких теперь мало, очень мало – и в этом его прелесть, как в пухлой булочке с изюмом или маком, затесавшейся среди изысканных ресторанных десертов. А может, это сдобная булка с сахаром?

Конечно, уже не прокатишься бесплатно на автобусе, стоя на коленях на сиденье в конце салона и пялясь в окно (самым любимым местом был уголок с поручнями, скрещенными в виде треугольника). Да и автобусов таких нет – длинные желтые и голубые ЛиАЗы давным-давно не выходят на маршрут. «Не отвлекайте водителя разговорами!» – предупреждающая надпись, сделанная печатными буквами, врезалась в мою память, будто что-то очень важное.

Мы жили в обычной панельной «двушке» на краю нашего небольшого городка, в спальном районе. В детстве я совсем не понимала, что такое «спальный район»: потому что в нем все спят?

Помните ли вы, каким было ваше детство?

Телевизор «Рубин»

«Рубин» – телевизор-легенда. Пульт у него, разумеется, не было; функции пульта в каждой семье обычно выполнял ребенок.

Наш «Рубин» стоял в углу комнаты, на специальной тумбе с колесиками. Длинные рожки антенны превращались в короткие – задвигались и выдвигались. Подставка для антенны с изображенной на ней лисой часто переставлялась туда-обратно – из-за помех, периодически возникавших на выпуклом экране. Если телевизор ломался – а «Рубин» ломался довольно часто, – бабушка очень огорчалась: ведь телевизор для нее был и средством связи с внешним миром, и единственным досугом.

Я обожала музыкальные клипы. Самыми любимыми были «Женское счастье» Татьяны Овсиенко и мультяшная «Маленькая страна» с Наташей Королевой. Я с замиранием сердца ждала местную программу, которая называлась «Студия Сервис»: ее ведущая, миловидная блондинка, зачитывала поздравления юбилярам, новобрачным, мамам, сестрам, братьям – так можно было поздравить человека от души музыкальной композицией. В передаче по сто раз крутили одни и те же клипы. Конечно же, лидировала Аллегрова со своей песней «С днем рождения».

С экрана неслось: «Кукла Маша, не плачь... Кукла Даша,

не плачь», «Тополиный пух, жара, июль!», «Билетик в кино». Филипп Киркоров страдал из-за того, что «любовь может быть жестокой», а Маша Распутина подпевала ему: «Золотится роза чайная...»

Бабушке безумно нравился клип Евдокимова «Только ночь», она всегда делала звук погрома и подпевала.

Очень часто заказывали песню Дмитрия Маликова «Мама», группу «Краски», «Девушки как звезды» Андрея Губина, а еще «Тату», «Зимний сон» Алсу и многие другие музыкальные композиции и клипы – все они до сих пор ассоциируются у меня с детством. Клипы были эмоциональные, не клипы даже, а истории: посмотрел – будто бы короткометражку осилил. Даже сейчас на видеохостинге YouTube комментаторы нередко пишут, что раньше клипы были душевнее и до сих пор хочется их пересматривать.

Слуха у меня не было, но петь я любила – особенно детские песенки, слова которых мы под диктовку записывали на уроках музыки в школе; многие из этих текстов я до сих пор помню от начала до конца. Но пела только дома: в первом классе, когда меня хотели определить в хор, я категорично заявила, что «петь про елочку не буду». Бабушке тогда сказали, что я грубиянка. Было очень обидно, что меня так называли: на самом деле я просто-напросто стеснялась петь на людях.

Однажды я спросила бабушку, зачем нужна музыка. Она удивилась: «А как без музыки?! Без музыки нет жизни, без

музыки нельзя!» Бабушка всегда вставала рано, около шести, и, провожая мужа на работу, включала старенькое радио: слушала гороскоп, новости и, разумеется, музыкальные передачи любимой радиостанции «Маяк», так что заводная «Малиновка» звучала у нас на кухне с самого утра, а по выходным я просыпалась под «Гармонь любимую» и «Городок». Иногда бабушка напевала «Эй вы там, наверху!» или «Потолок ледяной, дверь скрипучая». Если она пела, это означало, что у нее отличное настроение.

Бабушка обожала старые фильмы: «Белые росы», «Афонию» и, конечно, все классические «новогодние» фильмы – «С легким паром», «Иван Васильевич меняет профессию». Благодаря ей я пересмотрела их много-много раз.

Помню, как мы любили всякие общественно-научные программы, а еще «Криминальную Россию»: когда звучала тревожная музыка, возвещавшая начало этой передачи, бабушка прибавляла звук и меня обязательно звали к просмотру – «чтобы знала, как оно в жизни бывает». С детства мне внушали, что в мире полно маньяков, но – к сожалению или к счастью – моя детская психика такую информацию воспринимать отказывалась. На уме было совершенно другое: мультики, куклы, игры – в общем, как и положено среднестатистическому ребенку. Тем не менее с бабушкой я не спорила и послушно смотрела каждую серию про очередного Чикатило – так она готовила меня к реалиям взрослого мира.

Смутно вспоминается передача «Человек и закон» – я сла-

бо вникала в скучные рассказы дяденьки в деловом костюме. Куда больше радовал «Сам себе режиссер» – тогда такие программы были единственной возможностью посмотреть забавные видеосюжеты. Помню, как с замиранием сердца смотрела программу «Моя семья» с рубрикой «Маска»: рассказы о чужих семейных драмах всегда трогали, а мрачная «маска» привлекала своей таинственностью. Иногда мне удавалось посмотреть «Что? Где? Когда?» – игра начиналась очень поздно, но ведь я ложилась спать не сразу после программы «Спокойной ночи, малыши!».

Каждую пятницу наше маленькое семейство обязательно смотрело знаменитое «Поле Чудес» с Леонидом Якубовичем. «Первая тройка игроков!» – торжественно объявляли с экрана, и я замирала в предвкушении. А когда очередной маленькой гостье дарили огромную нарядную куклу с шелковистыми локонами и большими глазами... Хотела ли я такую? Разумеется! Бабушка с дедушкой спорили, пытаюсь угадать очередное слово, и иногда дед, обидевшись, уходил курить. В память врезалось, как бабушка всегда умилялась приехавшим на программу детям, а я жутко ревновала ее к ним, хоть и не показывала этого.

«Играем в суперигру?» – и я опять замирала: согласится, рискнет? Как же было радостно, когда игрок соглашался! А если отказывался – моему разочарованию не было предела...

Бабушка с дедушкой любили смотреть журнал видеоко-

миксов «Каламбур». Я не всегда понимала, над чем они так смеются, но «Деревня дураков» мне запомнилась, как и сопровождавшая ее мелодия.

«Дисней» в выходные

– Даааша... «Морозко» начинается! – будила меня бабушка, а дед недовольно фыркал: в воскресный день он любил развалиться в кресле и делать вид, что смотрит новости. Иногда он засыпал и даже тихонько похрапывал, но при попытке переключить канал резко просыпался и требовал вернуть передачу обратно.

Я шла чистить зубы и умываться в крошечную ванную комнату. На стене в ванной висел железный шкафчик с маленьким зеркалом, которое напололам делила полоса. В этом шкафчике лежали дедушкины принадлежности для бритья и гигиены. В трехлетнем возрасте я попыталась побриться тяжелым бритвенным станком деда и разрежала себе щеку его острым лезвием. Бабушка до сих пор удивляется, как у меня не остался шрам после этого эксперимента.

На полке стоял зубной порошок «Семейный» – до сих пор помню его вкус, похожий на вкус мела. Правда, мне редко приходилось им пользоваться: обычно я чистила зубы пастой «Дракоша» с привкусом шоколада. Бабушка всегда гордилась заботой о моих зубах – и действительно, тут было чем похвастаться. При малейшем намеке на кариес мы отправлялись в детскую городскую стоматологию, где мне сулили всякие игрушки и вкусности за то, что молча и безропотно терплю выпавшие на мою долю экзекуции... Наверное, в этом от-

ношении ничего не поменялось: вы ведь тоже обещаете своим детям призы за смелость и терпение, проявленные в стоматологическом кресле? ...Бабушка рассказывала, что как-то раз я попыталась самостоятельно избавиться от молочного зуба, привязав к нему нитку, другой конец которой был примотан к ручке двери. Правда, у меня не хватило духу довести этот эксперимент до конца, и зуб до поры до времени остался на своем месте.

На краю ванны – шампунь Johnson's baby «без слез»: ярко-жёлтый флакон с изображенной на нем пшеницей. Бабушка считала, что он идеально подходит для детских волос – мои, во всяком случае, после купания становились мягкими, как пух.

Помню, что во время купания я всегда сидела с тряпочкой в руках: когда бабушка начинала смывать шампунь, я прижимала ее к лицу и крепко зажмуривалась: у меня была собственная технология «без слез»...

В ванне я всегда сидела долго: играла в куклы и баловалась пушистой пеной – ее мне обеспечивала бабушка, взбивая шампунь мощной струей воды из-под крана. После купания я выходила розовощекой, в мягком махровом халатике с Микки Маусами, и рассматривала свои напаренные ладошки с четко проступившими линиями. Они были похожи на карту мира. «Когда состарюсь, они всегда будут в таких морщинах», – думала я.

После умывания – завтрак. По выходным сразу после

завтрака начинались фильмы-сказки: «Королевство кривых зеркал», «Старик Хоттабыч», «Золушка», «Марья-Искусница», «Снежная Королева», «Три толстяка», «Аленький Цветочек».

Днем крутили «Веселую карусель» с мультямами вроде «Халиф-аист», «Голубой щенок», «Бременские музыканты», «Антошка», «Ну, погоди!», «Крошка Енот» («От улыбки станет день светлей!»), «Теремок» (про старый буфет и медведя с комаром), «Обезьянки» («В каждом маленьком ребенке – и в мальчишке, и в девчонке...»), «Про львенка и черепаху» («Я на солнышке лежу»).

А еще – «Паровозик из Ромашкова», «Котенок по имени Гав», «Вовка в тридевятом царстве», «Золотая антилопа», «Трое из Простоквашино» («Усы, лапы хвост – вот мои документы!», «Нашу маму и тут и там показывают»), «Малыш и Карлсон» («А я сошла с ума – какая досада!»), «Бобик в гостях у Барбоса», «38 попугаев», «Жил-был пес» (и ставшая крылатой фраза «Щас спою!»), «Летучий корабль» (бабушка всегда пела песню из того мультфильма: «Ах, жизнь моя – жестянка...»).

Ну и, конечно, милый Чебурашка с крокодилем Геной, кот Леопольд («Ребята, давайте жить дружно!»). А еще «Кошкин дом» («Тетя, тетя кошка, выгляни в окошко!»), «Мама для мамонтенка» («По синему морю к зеленой земле плыву я на белом своем корабле...»), «Маугли» («Мы одной крови – ты и я!»).

А канал «Дисней» в выходные! «Русалочка Ариэль», «Спасатели», «Утиные истории»... Как же мы ждали эти мульты! Их нельзя было найти в интернете – компьютера дома не было. «Арабскаааая ночь!» – неслось из телевизора, и я мчалась к экрану. Потом родители отдали нам свой видеоманитофон – бабушка настояла: «Дашке мультики включать надо!

А им зачем?»

Так дома появились кассеты с мультфильмами: «Том и Джерри», мой любимый «Леди и Бродяга»... За щекой во время просмотра – карамельки «Дюшес», «Гусиные лапки» или разноцветные камушки «Монпансье». Еще бабушка покупала арахис в разноцветной глазури. Он был упакован в красивые жестяные коробочки, которые потом, конечно же, не выбрасывались: в них хранили нитки, иголки и прочую мелочь.

Когда по телевизору шел сериал «Покемон», двор моментально пустел: все дети от 8 до 12 лет прилипали к экранам. Это аниме завладело нашими умами и сердцами – мы считали дни, часы, секунды до новой серии... Мир вымышленных персонажей со сверхспособностями стал для нас новой прекрасной Вселенной. Наверное, даже «Человек-паук» никогда не набирал такой рейтинг...

Мы собирали круглые фишки, наклейки, значки – все, что было связано с покемонами. Эволюция этих существ завораживала: покемоны могли все! Летать, быстро бегать,

плавать, а главное – переходить на новый уровень. Вскоре игра обрела дурную славу: в надежде взлететь дети выпрыгивали из окон, вообразив себя покемонами... Мы из окон не прыгали, но почти каждый день играли в круглые фишки «Покемоны» – то выигрывая, то проигрывая заветные жетоны. У каждого была своя стратегия игры. Ребята, сумевшие повысить свое мастерство, запросто могли лишиться соперника всех его фишек. Было обидно, но игра есть игра. Правила жесткие, но справедливые: все фишки, перевернутые обратной стороной, доставались победителю...

Телесериал «Телепузики» с его Лялей и По очень забавлял бабушку и дедушку («Чего только не выдумают!»), а по утрам, когда я собиралась в школу, бабушка включала «Улицу Сезам» с запомнившимся мне Зелибобой. Как же не хотелось отпраиваться в школу! Дома ведь тепло и уютно, а за окном – темно и морозно.

Реклама тоже была мультяшной и интересной: «Просто добавь воды!», «А у нас Фиеста...», «Где был? Пиво пил!», «Blend-a-med» с экспериментом над яйцом, ««Баунти» – райское наслаждение!», «...Но футболка сухая и совсем не пахнет!».

Больше других мне нравилась реклама пива Efes Pilsener с серфингистом, который так лихачил на волнах и манил свободой. Когда начиналась эта реклама, я сидела как зачарованная.

Днем – «Угадай мелодию», а вечером – загадочные «Сек-

ретные материалы» с Малдером и Скалли, и «Комиссар Рекс», и «Улицы разбитых фонарей»...

Когда вышел «Титаник», все девчонки пищали от восторга – и я в том числе. Конечно, меня, восьмилетнюю, захватила любовная история, а никак не крушение легендарного лайнера. Что уж говорить об «Унесённых ветром»! После просмотра этого сериала моих кукольных мужчин-Кенов звали не иначе как Ретт.

Отдельная история с индийскими фильмами – очередная «Зита и Гита» захватывала с головой. Мы с подругами представляли себя индианками: надевали пледы и покрывала – как сари – и танцевали замысловатые танцы. На лоб обязательно прилеплялась звездочка из набора наклеек на уши. Я проколола уши в 14 лет – по нынешним временам очень поздно, – но это не мешало экспериментировать с клипсами и наклейками. Бабушка рассказывала, что в детстве я пыталась проколоть себе уши самостоятельно и даже успела разогреть швейную иголку на пламени спички, но довести эксперимент до конца побоялась.

Вышел фильм «Один дома» (его и сейчас показывают по ТВ). Эта комедия покорила весь мир, ее хоть каждый год можно пересматривать перед Новым годом и Рождеством...

После первого класса на лето меня отдали на продленку. Однажды всю группу повели на просмотр фильма – в нашем спальном районе был маленький кинотеатр, он находился в бомбоубежище. Этот самый первый фильм, увиденный

в кинотеатре – про мальчика и собаку, —

был таким трогательным, что я рыдала... Сейчас в этом бомбоубежище расположилось мини-кафе с яркой вывеской «Китаечка» (что поделать: любовь к аляповатости – отличительная черта провинциальных городов).

Квартира

В нашей квартире было две комнаты: одна – моя (ее называли всегда «комнатка», и это название за ней закрепилось), а вторая – зал, который ночью был спальней дедушки и бабушки, а днем становился нашей гостиной.

Зал был довольно большим. Бабушка часто переклеивала в нем обои, обычно выбирая причудливые узоры или композиции из осенних листьев – дизайн, к которому часто тяготеет старшее поколение. Потолок тщательно побелен – впрочем, как и остальные потолки в квартире.

На потолке висела люстра со снимающимися резными подвесками, имитировавшими хрусталь. Раз в несколько месяцев бабушка снимала ее, мыла мыльной водой – и люстра снова блестела. Еще на потолке можно было обнаружить жирные пятна: во-первых, от моих игрушек-лизунов, а во-вторых – от убитых комаров. Если залетал большой комар, бабушка гонялась за ним с тряпкой, а я «мочила» его книгами: подкрадывалась и тихонько «шлепала», оставляя кровавый след; бабушка, ругаясь, пыталась стереть его мокрой тряпкой. (Такие тряпки мы делали из ненужной одежды – маек, моих полинялых футболок. Чаще всего они использовались на кухне – в качестве ветоши.)

На окнах в зале – плотные шторы и тюль. У стены – громоздкий шкаф с зеркальными дверцами и всякой всячиной.

Именно в него пряталась лучшая посуда, которой пользовались только по особым случаям, и хрустальные рюмочки для крепких напитков. Один из ящичков был примотан веревочкой – сломался, а чинить его никто не собирался. Ящик так и норовил сорваться с веревочки и однажды даже набил мне шишку.

В этом же шкафу хранились старые письма, старые календари и, самое главное, – все наши фотоальбомы.

Бабушка очень возмущалась, когда я начинала рыться в шкафу. У нее до сих пор хранится огромная коллекция отрывных календарей с пожелтевшими листочками. В одном из календарей она отмечала те дни, когда меня посещали мама или отец. Иногда они приходили вместе, но такое бывало только по праздникам: например, на Новый год.

Хранились в шкафу и старые письма моего отца из армии – о том, как он скучает по нам: маме, бабушке и мне. Не верится, что совсем недавно люди писали друг другу письма – другой связи ведь не было, – и томительное ожидание вознаграждалось конвертом с дорогими сердцу буквами. Чаще всего каждое письмо перечитывалось несколько раз...

Я очень любила все это рассматривать и листать. В нижней части шкафа, за дверцами, одна из которых постоянно соскальзывала с петель, хранились бабушкины журналы с домашними советами и с любовными романами.

У стены стоял раскладной диван с деревянными ручками и такие же кресла, там же размещался маленький жур-

нальный столик. Между подлокотником кресла и столом было пространство, куда я могла просунуть ноги, чтобы подразнить кошку, – она всегда любила «поохотиться» за детскими пальчиками. Иногда я привязывала фантик к ниточке – получался шелестящий бант – и бегала из одной комнаты в другую, заставляя кошку выполнять кардиоупражнения. После 20 минут такой беготни она высовывала розовый влажный язычок и тяжело дышала. «Загоняла! Оставь животное в покое», – возмущалась бабушка.

За журнальным столиком проходили ужины – кто-то сидел за столом, а кто-то располагался на диване. Диван обязательно застилался желтым покрывалом с бахромой; такие же надевались и на кресла.

Конечно, сердце гостиной – «Рубин» – со временем заменил более современный телевизор.

У стены стоял большой тяжёлый шкаф, предназначенный для хранения одежды и постельного белья. Я в нем часто пряталась, когда мы с подружками играли в прятки у нас дома. Как же трудно было протирать на нем пыль! Приходилось залезать на табурет и вставать на носочки, рискуя свалиться.

Свои блузки и кофты бабушка навешивала на угол тяжелой межкомнатной двери.

Пол зала был застелен большим серым паласом с огромными красными розами, на который постоянно липла кошачья шерсть. На стене над диваном висел толстенный зеленый ковер. На него бабушка вешала игрушки, которые я мастери-

ла на занятиях в кружке по вязанию. Вязаные мишки и зайчики, подвешенные за ниточку, выглядели немного странно, но гордость тем, что их связала именно я, смягчала некоторую сомнительность этой картины.

Если бабушка затевала уборку, она обычно длилась полдня, а потом мы шли гулять. Думаю, можно не уточнять, что в уборке я принимала самое непосредственное участие: все мы в детстве были мамиными или бабушкиными помощницами.

Бабушка часто переставляла мебель – в одиночку передвигала комод, шкафы, диван... Не знаю, как у нее хватало сил, но ей определенно нравилось вносить в интерьер что-то новенькое.

Во время уборки я протирала пыль на серванте, вытирала каждый пузырек – и одеколон «Шипр» ярко-зеленого цвета, и «Огуречный». Запах у одеколona был слабый, но жутко спиртовой; часто бабушка делала мне из него компрессы: увлажняла им вату, прикладывала на горло, заматывала бинтом, а затем укутывала теплым зимним шарфиком. Становилось тепло и даже жарко...

Одеколон помогал и в других случаях: когда очередной фломастер прекращал писать, он заправлялся тем же «Шипром». Делалось это так: «попка» фломастера вытаскивалась (чаще всего зубами), и внутрь заливалась пара капель одеколona – впрочем, иногда ограничиться парой капель не удавалось, и одеколон стекал по запястьям. Далее «попка» закры-

валась, и фломастер должен был немного полежать. После этой процедуры он снова был пригоден для рисования.

Иногда я, расшалившись, вытаскивала мягкий стержень фломастера и елозила им по бумаге, пачкая руки и получая максимум удовольствия. После такого варварства, конечно, фломастер подлежал утилизации.

Помимо одеколona на серванте стояла парфюмерная вода «Кобра» в интересном флаконе: круглый черный пузырек с обвивающей его черной змеей. У змеи был металлический желтый хвост и такая же голова, украшенная вдобавок красными рубиновыми глазами. Когда пузырек опустел, бабушка не выкинула его, а оставила «для красоты». Ту же декоративную функцию выполняла и закончившаяся мамина помада: эффектный тюбик в виде лебедя гордо красовался на комодe. Эта помада не давала мне покоя, и я часто брала её поиграть.

Мамины вещи всегда притягивали меня как магнит. Мне нравилось всё: ее лаки для ногтей, заколки, резинки... Но она очень ревностно относилась к своим вещам и была не в восторге, если я брала что-то без спроса. Дома каким-то чудом обнаружили её туфли (тогда моя нога ещё помещалась в её обувь). Туфли были странные, но мне они казались обувью принцессы: тяжеленные, на шпильке, с большим бантом... Я надевала их и крутилась перед зеркалом (наверное, все девчонки так делают).

Но вернемся к уборке. После одеколona я протирала влаж-

ной тряпочкой прямоугольный белый флакон с туалетной водой «Кассандра», а потом приступала к самому сложному: моей коллекции игрушек-киндеров. Сначала они сметались в кучу со стеклянной полки (опустевшая полка тщательно протиралась тряпкой, непременно сухой), а потом каждый киндер необходимо было вернуть на его законное место. Вспоминаю свою коллекцию киндеров-пингвинов: пингвин в смокинге, пингвин с подносом, пингвин-девочка с розовыми бусами, пингвин-мальчик с букетом цветов... А еще коллекция бегемотиков, серия лягушек – лягушонок с зонтиком и лягушонок в зимнем шарфе. И свинья с милыми поросятами, и многие другие мини-игрушки, которые сейчас продают на сервисах для продаж. Для кого-то – ностальгия, для кого-то – просто игрушки.

...Нередко я занималась уборкой по собственной инициативе, меня никто не заставлял и не гонял – просто хотелось сделать приятное бабушке. Я набирала теплую воду в зеленый облезлый таз и, засучив рукава, на коленях (бабушка так делала, и я копировала) ползала по нашей «двушке»: отодвигала кресла и даже диван, чтобы вымыть под ними пол; вытряхивала половики. У нас была синяя «выбивалка» в форме цветка – для ковров и паласов. Бабушка вывешивала их во дворе на железных перекладинах, оставшихся от качелей, и выбивала из них пыль.

Стирала она чаще всего вручную, хотя у нас была стиральная машинка «Малютка»: не доверяла стиральным ма-

шинам-автоматам, боясь протечки (под нами жила вредная соседка с хорошим ремонтом). Впрочем, бабушка любила стирать и даже предполагала, что в прошлой жизни она была прачкой, не иначе.

Самый солнечный уголок в квартире – кухня. Она маленькая, не больше 8 кв. м. На окнах беленькие занавески, у стены – холодильник «Океан» (буквы с названием выпуклые, в виде таблички). На его дверцу скотчем приклеен календарь на весь год, а на холодильнике стоит шипящее из-за помех радио с длинной антенной и лежат пачки сигарет бабушки и дедушки (они никогда не прятали их, не скрывали, что курят).

Рядом с холодильником – белый раскладной стол. Во время взрослых застолий или моих чаепитий с подружками он переносился в зал (конечно же, все встречи Нового года и все дни рождения прошли именно за этим столом). Под ним два разношерстных табурета. Один из них высокий, скрипучий, с трещинами. Иногда трещины царапали кожу попы – крайне неприятное ощущение. Поэтому чаще всего сверху табурета лежала небольшая красная подушечка с вышитыми моей мамой цветами. На подушке обычно возлежала кошка (почему-то каждая из новых кошек предпочитала именно это место) и мягко разминала ее своими пушистыми лапочками. «Стирает, глянь!» – говорила бабушка, и я вслед за ней привыкла говорить, что кошка «стирает».

Посредине кухни стояла старая газовая плита, которая

пропускала газ. Бабушка из-за этого очень переживала и, уходя куда-нибудь, всегда перекрывала винтик и проверяла, все ли в доме отключено. Помимо газа, перед выходом из дома отключался телевизор (вынимали штепсель из розетки) и перекрывалась вода.

Плита часто пачкалась, и, соответственно, бабушка часто ее мыла. Вытяжки у нас не было, а потому во время готовки кухня напоминала баню. Осенью, когда уже холодало, но отопление еще не давали, бабушка включала плиту «холостую», чтобы немного прогреть квартиру. В сырые и холодные осенние дни мы ходили по дому в шерстяных носках, колготах и вязаных кофтах.

С отоплением было очень много возни: требовалось спустить какую-то ржавую воду, сбегать вниз к соседям – узнать, дали ли отопление им...

Я всегда была далека от бытовых вопросов и наблюдала за этой суетой с полным равнодушием.

У стены – одинокая раковина, под ней – узкий шкафчик с оранжевыми дверцами, внутри него – водопроводная труба и кошачий лоток. «Колено» трубы часто забивалось, и бабушка, кряхтя, задирала юбку, вставала на колени и открывала его – ругаясь, что мы при мытье посуды забываем ставить сеточку. Бабушка очень, очень много ворчала: стоило достать кастрюлю из шкафа – она уже неслась на кухню с вопросом, что я собираюсь «творить». В общем, сделать что-то самостоятельно можно было только в ее отсутствие.

Однажды я нашла морскую капусту в консервной банке, одиноко затаившуюся на полке. Конечно же, прибежала бабушка, забрала у меня капусту и сказала, что это продукт на любителя. Мне очень понравилось выражение «на любителя», хоть значения фразы я тогда не поняла. Бабушка всегда знала всё за меня: «Ты такое есть не будешь», «Попробуй этот салатик – тебе понравится». Когда я отрицательно мотала головой, она сокрушалась: «Ох и дура! Ведь такая вещь вкусная...»

Кухонный гарнитур представлял собой несколько шкафчиков белого цвета. Его приходилось очень часто отмывать от следов пальцев и желтого кухонного налёта. Ручки у шкафов были круглые, с отверстием посередине, цвета серебряного металла. Наверху и внизу – бордюрики под дерево.

В одном из этих шкафчиков был бабушкин тайник: плоские красные неработающие часы, которые можно было вынимать. В тайнике хранились старые монеты в пластиковой банке, квитанции ЖКХ, иногда – деньги и сигареты.

Отдельно стоит упомянуть чайный гриб – трехлитровая банка с его настаивающимся содержимым довольно долго стояла на столе, у стенки, и мне постоянно предлагали «попробовать», но я стойко отказывалась: в моих глазах он выглядел совсем не привлекательно.

На кухне стоял китайский заводной будильник. В семь часов он начинал противно пищать, но бабушка чаще всего уже хлопотала на кухне.

На полу из темного оргалита был расстелен полосатый половик, который сбивался в кучу, когда кошка сломя голову носилась по квартире (иногда ее гоняла я, иногда она начинала беситься по собственной инициативе). Сидя на кухне, я часто качалась на табурете с трещинами, поставив ноги на перекладину. Гостившая у нас мама нервно делала мне замечание и комментировала: «Корячится она, корячится!»

На кухне стояли два подстаканника: золотого и медного цвета; бабушка очень ими гордилась: «Таких сейчас нигде не купишь!» Иногда я наливала чай в граненый стакан и ставила его в подстаканник, представляя, что еду в поезде. Стучат колеса... ту-тууу!... А иногда просовывала в подстаканник руку, представляя, что надеваю золотой браслет. Странно, что моя рука там не застряла.

На кухонном подоконнике всегда громоздились тонны газет и журналов. Иногда дедушка с бабушкой не могли поделить один кроссворд на двоих и разгадывали его по очереди. Ну и конечно, на подоконнике стояли цветы – цветы повсюду, вся квартира в джунглях!

В начальной школе я иногда «тырила» ростки со школьных подоконников для бабушки; абсолютно все из них прижились, пустили корни – растут до сих пор. Подоконники в кухне и в комнатах всегда были просто заставлены цветочными горшками. Бабушка всегда сетовала, что нам не повезло с шириной подоконников: вот у ее сестры подоконники широкие – сколько горшков можно разместить!

Растения жили не только на подоконниках: на стене в зале висело кашпо «Березка» с цветами, не нуждающимися в солнечном свете. Однажды в каком-то журнале бабушка прочитала, что вьющиеся цветы несут несчастья в дом, и раздала все такие растения.

Окна кухни выходили на детский сад. Когда малышей выводили на прогулку, всегда были слышны их голоса и детский смех – это вселяло радость и жизнь.

Посуда, как и мебель, была «разношерстной»: кастрюли серые, кастрюли белые – разных форм и объёмов. Разномастные вилки, ложки и кружки. Чугунные сковородки, в которых так вкусно получалась жареная картошка. Таких уже не найдёшь в продаже... Деревянная толкушка для картофельного пюре.

Соль хранилась в квадратной емкости с полустертой надписью «Соль», сахар – в глиняном горшочке. Запасы рожков, сахара, круп прятались в отдельный шкафчик «про запас», где уже стояла мука, растительное масло и, конечно, консервы: тушенка, сайра, кукуруза и зеленый горошек.

В отдельном ящике лежал запас спичек – будто на случай атомной войны. Там же хранилась куча крышек, резиночек, пакетиков и всякой всячины.

Столовые приборы лежали в выдвигающихся шкафах в отдельных лотках. После мытья посуда обязательно выкладывалась на кухонное полотенце, а затем ставилась на специальную сушилку над раковиной. Иногда я помогала бабушке

и вытирала посуду насухо. Как-то мы поругались, и с обиды я замахнулась на бабушку, а она увидела это по моей тени... До сих пор стыдно.

Для размораживания холодильника выделялся определенный день. Обычно это означало, что гулять мы пойдем не скоро. У нас было два холодильника (второй стоял в гостиной). Когда один из них намерзал, бабушка перемещала все продукты во второй. Подставлялись тазы, подкладывались тряпки – вода капала полдня, куски намерзшего льда валялись в таз. Потом все тщательно мылось, насухо протиралось и вуаля – холодильник включался в сеть.

Став постарше, я пыталась готовить блюда для бабушки и дедушки. Чаще, конечно, это были овощные салаты, но как-то раз я решила не ограничиваться ими и сделала «бутерброды»: намазала горчицу толстым слоем на куски хлеба. Тогда я не понимала, почему бабушка так смеется – ведь я старалась для них... В пятом классе на уроках труда я научилась готовить «муравейник» со сгущенкой и повторяла это блюдо дома, но почему-то его никто, кроме меня, не ел.

«Даша, ты в школу встаешь?» – тихонько заглядывала бабушка ко мне. Иногда она разрешать мне проспать уроки... Но обычно я вставала и отправлялась в ванную, по пути заглядывая на кухню: там уже пил чай дед, а бабушка собирала ему с собой обед. Радио противно пищало: семь часов. Иногда я успевала застать гимн. Я знала его наизусть и всегда фанатела от третьего куплета – мне он казался особенно

торжественным.

Завтракала я только в начальной школе, в старших классах завтраком обычно был сладкий черный чай и хлеб со сливочным маслом, иногда посыпанный сахаром. Ну, а когда училась в младших классах, обычно на завтрак меня ждала манная каша с тем же маслом. Иногда на столе гостил маргарин. Емкость из-под маргарина после его употребления тщательно отмывалась.

Бабушка вообще любитель различных баночек да скляночек: контейнеров из-под майонеза (в них собиралась дачная ягода), емкостей из-под мороженого... Все всегда собралось и никогда не выкидывалось, а ежели это делала я, то неизменно подвергалась укору: «Такую хорошую баночку выкинула!» Меня всегда удивляло такое отношение к мусору – любая бутылка находила применение в быту, любой стаканчик превращался в ужасно нужную вещь.

Дед с особой скрупулёзностью складывал фантики от конфет, разглаживая их перед утилизацией – чтобы те не занимали много места в ведре.

Мусор выносился ежедневно, и, конечно же, это был целый ритуал.

К нам во двор каждый вечер в 18.00 приезжал мусоровоз (несказанно повезло, что машина приезжала именно к нам: всей остальной округе приходилось с пакетами отходов тащиться в наш двор). В ожидании мусоровоза соседи коротали время за болтовней. Если кто-то не мог ждать – бывало,

оставлял отходы прямо во дворе, и дворник тетя Люба потом грозно ругалась на всю округу самыми отборными выражениями.

«Помойка скоро приедет. Вова, иди вынеси мусор», – ворчала бабушка. Видно было, что деду лень выходить, но он не хотел упускать возможность заодно купить пива и сигарет в местных киосках. Я к алкоголю относилась негативно с детства, но русская глубинка, как известно, без подобных напитков не обходится...

Божьи коровки и детские страхи

Моя комната тоже была светлой, как и кухня, – впрочем, на пятом этаже чаще всего всегда светло. Солнце заливало комнату лучами, опускаясь за горизонт. Летом было невыносимо жарко. Из окна я видела темные холмы – далеко-далеко, и представляла, что это синие горы. Так я их и называла: «горы».

В моей комнате стоял точно такой же стол, как на кухне, только сверху на нем лежало толстое стекло, под которым покоились мои детские рисунки.

На этом столе бабушка гладила белье через влажную марлечку коричневым утюгом (стоило зазеваться, и коварный утюг прожигал тонкую ткань). За этим столом я делала уроки, рисовала и раскрашивала раскраски.

У двух противоположных стен стояли шкафы: платяной и сервант с книгами и игрушками. Внутри серванта я устроила для своих кукол мини-дом. Впрочем, у меня дома для кукол были повсюду – они строились за пару мгновений из подручных материалов. Иногда я играла и под столом – уютно же! Устраивала там шалаш или домик, накрыв сверху стол покрывалом или одеялом.

На полу лежал палас ярко-зеленого, даже кислотного цвета; на него бесконечно липла кошачья шерсть. На стене возле моей кровати висел тяжелый красный ковер.

На шкафу часто обитала кошка – забиралась туда, карабкаясь по этому самому ковру. Там же, на шкафу, стояли трехлитровые банки с надетыми на них меховыми шапками, коричневой и черной – отцовской и бабушкиной. Позже нас оборуют, и бабушка еще долго будет убиваться по шапкам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.